

Один из мужчин, набравшись храбрости, громко сказал:

— Вышвырните его отсюда! Здесь полно мирных жителей, а что, если он начнет кусаться?!

Вокруг слышались одобрителные выкрики. Янь Хао в ярости воскликнул:

— Он не заражен! Иначе еще по дороге превратился бы в зомби! Снаружи кишат ходячие, куда вы предлагаете ему идти?

Из толпы доносились перешептывания:

— Солдафоны, вечно ведут себя так нагло...

— Вот именно!...

Чжоу Жун присел перед Сы Сяонанем и внезапно протянул руку, грубо хватая его за подбородок.

Кожа Сы Сяонаня была неестественного для азиата холодного бледного оттенка. Его губы потрескались, в глазах читалась явная усталость. В те моменты, когда он опускал веки, в чертах его лица проскальзывало нечто от матери, что резко контрастировало с огрубевшими от оружия и жилистыми руками Чжоу Жуна.

Чжоу Жун несколько мгновений холодно его разглядывал, а затем поднялся:

— Заприте его в кабинете при складе, будем наблюдать.

Врач возразил:

— Командир Чжоу...

— Я за него отвечаю, — отрезал Чжоу Жун.

Кабинет при складе представлял собой крошечную коморку площадью пять квадратных метров, отгороженную фанерой. До эпидемии здесь дежурили охранники. На тонкой полой деревянной двери стоял старомодный пружинный замок, а изнутри была еще и железная щеколда.

Сы Сяонань сидел в углу, прислонившись спиной к стене, и положил руку на согнутое колено. Вскоре Чжоу Жун толкнул дверь и вошел, закрывшись изнутри и оставив снаружи семенящих за ним Янь Хао и Чуньцао.

— На.

Сы Сяонань поднял глаза — перед ним лежал хлеб с мясной начинкой.

— Взял на складе, ешь.

Сы Сяонань несколько секунд неподвижно смотрел на него, а затем отвернулся.

— Что такое? Посидел взаперти полдня и решил из-за своей смазливой внешности голодовку объявить? — хмыкнул Чжоу Жун. — Скажу тебе прямо: я в жизни не умел жалеть нежных созданий, зато отлично умею ломать их через колено. Когда мы проходили подготовку, нас пытались соблазнить чем угодно: от феромонов Омег до шпионок-красоток. А когда я стал

командиром, Янь Хао поначалу тоже пытался качать права — так я его по три раза на дню в порошок стирал... Ешь давай, не думай, что я не посмею применить силу.

Они некоторое время смотрели друг на друга, пока Сы Сяонань наконец не сказал правду:

— ...Припасов мало, не тратьте зря.

Чжоу Жун открыто усмехнулся, небрежно бросил хлеб ему на колени и заметил:

— Девушка, ну чего ты такой жеманный, прямо как Омега.

Сы Сяонань: «...»

Чжоу Жун отряхнул руки и вышел.

.

Сгущались сумерки. Снаружи доносились шаги — люди готовились к раздаче еды.

Сы Сяонань долго раздумывал, но в итоге все же съел хлеб. Пища помогла унять нервную дрожь. Прислонившись к стене, он сам не заметил, как уснул. Сознание блуждало между реальностью и забытием, словно он перенесся через тысячи ли ледяного влажного ветра, наблюдая, как под ним гибнет в огне земля.

Ему снилось детство: тяжелые ворота поместья медленно открываются, ослепительно сияют хрустальные люстры, а по широкой мраморной лестнице с замысловатым ковром он поднимается вверх. Мальчик в черном костюме, скрестив руки на груди, прислонился к перилам на предпоследней ступеньке и, глядя на него сверху вниз, язвительно бросил:

— Ты такой уродливый.

Он почувствовал, как ногти впились в ладони. Ему хотелось отступить, сбежать, но во сне он не мог даже обернуться.

Мальчик прыгнул с лестницы, в два счета оказался рядом и схватил его за волосы, заставляя поднять голову и смотреть себе в глаза:

— Отныне я твой брат, понял?

Грудь Сы Сяонаня тяжело вздымалась, горячее дыхание обжигало горло. Ему хотелось врезать этому наглецу, но во сне он внезапно стал совсем маленьким. Как бы он ни тянулся, он не мог до него дотянуться, оставалось лишь смотреть на это высокомерное лицо и полные насмешки ярко-голубые глаза.

«Я ударю тебя...» — думал он.

«Когда-нибудь я вобью тебя в грязь у своих ног...»

Внезапно картинка сменилась. Воспоминания проносились, как кадры в калейдоскопе: ненавистное лицо мальчика постепенно взрослело, грубело, сменяясь изумлением на другом лице, прежде чем он получил кулаком в челюсть.

Бах!

Шум отступил. Он схватил того парня за воротник, видя, как из его носа и уголков губ сочится кровь. Те самые ярко-голубые глаза, которые столько лет неотрывно следили за ним, вдруг померкли, став тускло-серыми, как небо перед грозой:

— ...Ты давно хотел это сделать, да?...

Да.

Всегда.

Но он не ответил. Вместо этого он нанес правый хук — тяжелый, точный, безжалостный. Хруст ломающейся переносицы до сих пор, спустя много лет, отдавался в памяти тем самым сладостным ощущением.

...

Наступила ночь, и у Сы Сяонаня поднялся жар.

В бреду ему казалось, что тело охватил огонь, словно он погрузился в теплый, бескрайний океан, не чувствуя дна под ногами. Шаги то приближались, то удалялись. Слышались споры и крики. Кто-то визгливо выкрикивал: «Вы обязаны выставить его отсюда! Он может мутировать в любую минуту!»

«Ваши солдатские жизни ценны, а мы что, должны собой рисковать?!»

«Что делать? Он уже заражен, мы все покойники...»

Звуки толкотни и борьбы приближались и удалялись, словно сквозь толщу воды. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем чьи-то шаги остановились рядом. Кто-то присел, накрывая его плотной одеждой.

Сы Сяонань беспокойно заворочался, но незнакомец закутал его еще плотнее, не оставляя ни малейшей щелочки для холода.

— Это обычная простуда, от переутомления, — произнес этот человек. — У Беты слабый иммунитет, если жар не спадет, ему будет нелегко.

— Брат Жун...

Тот человек поднялся и негромко сказал:

— Дай ключи от машины, я отъеду ненадолго.

Когда Сы Сяонань снова очнулся, он почувствовал, как ему в рот что-то проталкивают. Он с трудом открыл глаза. Вокруг была непроглядная тьма, и лишь спустя несколько секунд он разглядел слабую полоску света из щели в двери.

— Пей, — скомандовал Чжоу Жун и, не дожидаясь согласия, влил ему воду из армейской фляги.

Сы Сяонань проглотил воду, ощутив горечь — таблетки, которые ему только что насильно запихнули в рот, уже начали растворяться.

— ...Ты...

— Жаропонижающее.

...Откуда у него жаропонижающее?

Чжоу Жун бросил куртку на пол, сел рядом и, ничуть не стесняясь, прижался к нему в том же углу.

— Ты тупой или притворяешься? — проворчал он. — В аптеке искал только еду, неужели нельзя было прихватить хотя бы базовые лекарства? Вот, допрыгался, температура. Из-за тебя пришлось среди ночи мотаться на машине двадцать километров, чуть сам не стал закуской для той сотни зомби на улице. Если бы не твоя смазливая мордашка...

Сы Сяонань глухо закашлялся и прохрипел:

— В тот раз, когда спас вас днем, можешь не благодарить.

Чжоу Жун тут же замолчал.

Сы Сяонань немного пришел в себя и уже собирался съязвить, как вдруг почувствовал сильный запах гнили и крови, исходящий от куртки, которую Чжоу Жун бросил на пол. Он протянул руку и коснулся ткани — она была влажной и липкой.

В темноте было слышно лишь тяжелое дыхание друг друга. Спустя долгое время Сы Сяонань тихо сказал:

— ...Спасибо.

Чжоу Жун ответил:

— Не за что.

Щелкнула зажигалка. Чжоу Жун, прислонившись спиной к стене, закурил и с наслаждением выпустил облако белого дыма, а затем с усмешкой спросил:

— Снилось что-то? Ты что-то бормотал, похоже, ругался.

«...»

— Скучаешь по дому? — небрежно бросил Чжоу Жун.

Сы Сяонань покачал головой.

— Кем раньше работал? Судя по тому, как двигаешься — телохранитель или коп?

Сы Сяонань снова покачал головой, не проронив ни слова.

— Не будь таким напряженным, давай просто поболтаем. Вдруг ты не простужен, а действительно заражен и скоро лапы склеишь? Я буду последним, кому ты сможешь завещание оставить. — Чжоу Жун толкнул его плечом и с издевкой спросил:

— Женат? Пара есть?

— ...Нет.

— Отлично, у меня тоже. Вся наша команда — сплошь холостяки.

Сы Сяонань бросил на него быстрый взгляд и про себя подумал: «Это потому, что ты сам первый начал крутить романы с мужиками».

Чжоу Жун, не подозревая о мыслях соседа, затянулся сигаретой и задумчиво вздохнул, его голос зазвучал с мечтательными нотками:

— В убежище Военного округа Б можно разместить десятки тысяч людей. Водоснабжение, электричество, полная автономность, полная изоляция от внешнего мира. Когда вирус отступит, государство обязательно поможет вам устроиться в городе Б: знакомства, свадьбы, поощрение рождаемости, чтобы восполнить потери населения после катастрофы...

— К тому же, в Сектор Б доставили больше всего Омег, многие из них детородного возраста, для их охраны специально выделили войска. — Чжоу Жун машинально облизнул губы и рассмеялся:

— Хм, неплохо придумано. Тот, кто додумался до этой политики, чертовски умен.

Сы Сяонань спросил напряженным голосом:

— Зачем?

<http://bllate.org/book/18107/1738823>